

О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ!

Культура. - 1995. - 4 нояб. - с. 2
"Поедем на войну!"**Анатолий МАКАРОВ**

Давно понял, обращаться к циникам с моральными сентенциями бесполезно. То есть глупо. Попадаешь в положение пресловутого карася-идеалиста, задавшего шуке известный прекраснотушный вопрос: "А знаешь ли ты, шука, что такое добродетель?" В шестидесятые годы в редакции известного еженедельника, где я тогда работал, была такая же трогательная идеалистка, в каждом злоязычном (и не вполне трезвом) мизантропе пытавшаяся пробудить светлые чувства:

— Ты же не такой!

Вот и я теперь, внимая по радио нашумевшей питерско-парижско-калифорнийской романистке и певице Наталье Медведевой, успокаиваю себя сентиментальной догадкой: а вдруг она не такая!

В смысле не такая аморальная, бессовестная, бесчувственная, скандальнозная, а только притворяется ею?

Надо вам знать, что для всех этих нелестных — особенно применительно к женщине — эпитетов, право же, есть основание. Ибо поэт питерская парижанка романс с зазывным размахом:

— Поедем на войну!

Ни больше ни меньше.

С таким вот хмельным надрывом, с показной страстью, с несдержанной якобы чувственностью, вообще с кабацким демонизмом зазывали некогда поехать к Яру. Или в Стрельну. Или куда-нибудь "на острова". Мы не можем жить без шампанского и без пения без цыганского! Утверждение, скажем, тоже не самое пуританское, однако по-человечески понятное и простительное. Но поедem на войну! Это в каком же, простите, качестве? Сестер милосердия? Судя по эротическим модуляциям в голосе, непохоже. Пламенных доброволок, готовых умереть на вражеском бруствере во время атаки? Не верится. Скорее всего в виде скупающих богатых дам, этаких топ-моделей на экскурсии, в обтягивающем камуфляже на голое тело и, может быть, с автоматом у крутого бедра. Остро, приятно, пьянит и возбуждает. Война как светское развлечение.

Однако интересно все же, на какую такую войну заманивает нас певица чувственным накалом в голосе? О Великой Отечественной с ее бомбежками и сожженными деревнями, с ее окру-

жениями и пленными, с беженцами и бабами, роющими окопы, такого шлягера не споешь.

Да и гражданская с ее анархической вольницей и расстрелами без суда как-то не очень подверстывается под этот загульный романтизм. Уж на что сноб был Александр Николаевич Вертинский, привыкший выступать в ночных кабаре перед марковцами и дроздовцами, однако не ресторанный апологию братоубийству пропел, а трагический реквием по невинно убиенным русским мальчикам то ли в юнкерской, то ли в красноармейской форме.

"Я не знаю, зачем и кому это нужно!"

Вот и я не знаю, зачем нужно с таким низкопробным шиком воспевать нынешние "малые" войны, которые не становятся менее кровавыми и страшными оттого, что соседствуют с горными отелями, что приезжать к месту боев можно на белом "мерседесе", что усилиями массовой культуры любую трагедию и любое горе можно превратить в беспардонное шоу, в пресловутую тусовку, в какой-либо продажный порнографический конкурс красоты.

Правда, "кому это нужно" сомнений не вызывает. Нужно это тем профессиональным имморалистам, которые делают себе имя, то есть свой бизнес на скандале, на бесстыдстве, на пренебрежении всем тем заветным и дорогим, что есть за душой у всякого нормального человека.

Вообще-то все это уже было. Вся эта декларативная безнравственность, все эти поэтические откровения типа "я люблю смотреть, как умирают дети", все это сексуальное томление при виде оружия, весь эстетический содом, замешанный на политическом насилии.

Художественное охальничество вообще сродни наглости в политике. Потому-то, наверное, эстетствующие имморалисты, ниспровергатели всех на свете норм и приличий, с очевидной закономерностью становились певцами всевозможных авторитарных идей и тоталитарных режимов, апологетами агрессивных и завоевательных, личными трубадурами фюреров и вождей.

Так что не удивляйтесь, если однажды волнующий женский голос на самом что ни на есть интимном регистре, перемежаемом воплями страсти, зовет вас упоительно:

— Поедем в ГУЛАГ!